

18+

АЛМАЗ БРАЕВ

РЕМИД

ГОСУДАРСТВЕННИК

Алмаз Браев

Ремид. Государственник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40522301

ISBN 9785449624994

Аннотация

У традиции глаза жабы. В иерархической общине, если ты падаешь вниз, то ты никому не нужен. На дне все смотрят на условный верх. В таком виде все традиционное общество напоминает лягушку или жабу, видящее все голубое небо, но не тину болота или грибок со дна колодца.

Содержание

Введение	7
Кольца Альманзора и ревкона	7
Глава I	12
Антибудда	12
Глава II	21
Царство небесное. Почему ремиды уступают	21
Глава III	25
У традиции глаза жабы	25
Глава IV	28
Глаза на лбу	28
Глава V	32
Скромный лицемер	32
Глава VI	39
Отрицательная селекция	39
Глава VII	42
Главное для традиции взять власть	42
Глава VIII	46
Жестокий хамелеон рядом и внутри	46
Глава IX	52
Страхи старой жены. Или почему традиционное общество бездарно	52
Глава X	56
Реформы в России и в Китае	56

Глава XI	60
Что есть в Азии и нет в Евразии	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Реми́д

Государственник

Алмаз Браев

© Алмаз Браев, 2021

ISBN 978-5-4496-2499-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение. Кольца Альманзора.

Глава I. Антибудда.

Глава II. Царство небесное.

Глава III. У традиции глаза Жабы?

Глава IV. И глаза на лбу.

Глава V. Скромный лицемер.

Глава VI. Отрицательная селекция.

Глава VII. Главное взять власть.

Глава VIII. Жестокий хамелеон.

Глава IX. Страхи старой жены.

Глава X. Реформа в России и в Китае.

Глава XI. Что есть в Азии и нет в Евразии.

Глава XII. Кто равен всем.

Глава XIII. Двигающийся стоя.

Глава XIV. Рынок – молодец.

Глава XV. Колесо ремидов.
Глава XVI. Конец султаната СНГ.
Глава XVII. Где государственники?
Глава XVIII. Зеротная петля.
Глава XIX. Что такое ремидная петля.
Глава XX. Путин везунчик
Глава XXI. Что выбирает ремид.
Глава XXII. На Канарских островах.
Глава XXIII. Колумбарий.
Глава XXIV. Назови его личностью.
Глава XXV. Либерализм – сто огней.
Глава XXVI. Салафиты против тенгрианцев
Глава XXVII. Почему занимают чужие места.
Глава XXVIII. Никакого переворота не будет, если.
Глава XXIX. Ремид должен править.
Глава XXX. Неосознанный эгоизм.
Глава XXXI. Что погубило социализм.
Глава XXXII. Вавилоняне.
Глава XXXIII. Волк и лес.
Глава XXXIV. Откуда подошедшие.
Глава XXXV. Мощь.
Глава XXXVI. Последний герой.
Глава XXXVII. Заражение.
Глава XXXVIII. Оруженосцы.
Глава XXXIX. Собрать людей.
Глава XL. Энциклопедисты.
Глава XII. Первый я или второй
Глоссарий.

Введение

Кольца Альманзора и ревкона

Часто правители вынуждены набирать новых чиновников из простого народа. Давать им дворянство за выслугу лет. А потом дети этих новых дворян свергают правителя. Какая неблагодарность! Так произошло, для примера, в России. Не буржуазия свергла последнего русского царя. Буржуазия только помогла. Создала союз с молодыми чиновниками.

Более того, когда уже революционная власть набирала новых чиновников, эти чиновники снова забыли, что революция дала им путевку в жизнь. Монарха конечно может заменить и обезличенная власть «кухарок». Но третье поколение этих крестьян, то есть уже внуки советских чиновников снова «отблагодарили» благодетельную советскую власть. Какая черная неблагодарность и короткая память! И сегодня из уст потомков прошлых простолюдинов, больших и успешных внуков первых советских директоров и интеллигенции льется грязь на революцию. На революцию, что по сценарию всех революций перевернула все верх дном и снова набрала неблагодарных простолюдинов. Дала им все, о чем не мечтали их предки, а они в третьем поколении все забыли... Это

что? А может быть это и есть закон неблагодарности?

До новой партии новых чиновников были же старые чиновники у царя, кто-то же работал в имперском аппарате. Дворяне чиновники и другие чиновники царского режима. Что же не устраивало правителя и правительство? Скорее, это количество чиновников. Чиновников очевидно не хватало. Чины должны меняться, ротироваться: одни расти, подниматься в иерархии, получать высокий чин, другие, молодые приходиться им на замену. Поколения меняют поколения. И новая партия молодых людей и чиновников растет верх вместе со страной. Страна разворачивается в ширину, экономика получает глубину, чиновники множатся числом вместе с ростом экономики и шириной новых проблем. Ведь страна растет, империя ширится, экономика усложняется. Новых людей, самых способных набирают, обучают прямо из низов и вперед. Вроде ничего плохого в этом нет. Демократический процесс набора свежих кадров. Все справедливо и прогрессивно. Ничего плохого в этом наборе пока не заметно. Но вот наступает такой момент или он собирается из множества полумоментов, что эти самые новые кадры или их дети этих новых, поднятых со дна, совместно с прогрессом так сказать и развитием государства в ширину и в глубину, начинают чем то возмущаться, проявляют недовольство, суетятся, ропщут. Появляются народники, потом революционеры, следом и террористы. Все идет прахом. В чем тут дело? Работы много. Всем хватает. Но есть какое-то недовольство.

Сначала тихое, мирное, потом явное и кровавое.

А вот в чем.

Дело в том, что традиционный режим, любой традиционный режим (трасоц) имеет такую особенность. Он образует кольца. Кольца иерархии (кольца Альманзора, если хотите или ревкона). Потому что традиционный режим, а прежде традиционный народ без иерархии не может. Не может традиционный мир существовать без каст. Вот эти самые верховные привилегированные круги и окостеневают раз за разом. Кольцо накладывается на кольцо. По прошествии периода возникновения элиты, обоснования ее на кольце, а потом и обоснования прав на все, возникают и подчиненные, нижайшие касты. Элитарии не пускают наверх к себе чужого, отталкивают выскочку, закрывают дверь. Это касты. Если и пускают, то за большие заслуги. Необходимо много работать, чтобы понравиться. Чтобы избежать эксцессов, только сам верховный правитель поддерживает талант. Поднимает самородка, самого необычного из касты шудр наверх. Верховный правитель государства – самый главный жрец традиции, главный брахман. Дворцовые люди, челядь как раз никого не подпускает, она ощетиливается против каждой новой партии неофитов. Чем? Ритуалами, знакомствами, поручкой даже маленькими законами часто даже неформальными, незаписанными договорами. Это повторяется каждый раз, когда появляется новая партия желающих сесть на кольцо. Даже если так называемая революционная республика заме-

нит монархию, а генеральный секретарь и политбюро поменяют царя и его министров, получится старая картинка или очередное кольцо. Точно такая же кастовая система возникла и при Советах.

«Сын генерала должен быть генералом» – вот он девиз традиционных нравов и всех колец обряда. Вот потому то дети новых дворян (или коммунистов, или демократов) стучаются лбами о заветные двери, куда им вход категорически запрещен. Если уже сложилась кастовая система, новая цеховая организация, то здесь поможет только бунт. Эти бунты в виде революций и происходят. Потому что традиционное общество, кастовый мир так жил веками. А страна, она же империя должна расширяться. В законе или тем более в Конституции нет указаний на различения, а они есть! И все традиционные люди – зерефы, зеремиды, ремиды это признают. И ожидают. Что традиционные люди (трасоцы) или предшественники новой партии зерефов, зеремидов, ремидов обязательно создадут эти кольца иерархии, за которые другим (новичкам) уже не попасть. И вот тогда то наступает суэта и недовольство. Дети молодых дворян или уже молодой пролетарской интеллигенции хотят свергнуть: первые царя, а вторые генерального секретаря. От смены названия и вывесок ничего не меняется, традиционный народ (трасоц) остается верным себе. Традиционный народ, повторю еще раз, образует касты. В создании колец Альманзора ему нет равных. На самом деле наверх уже никому не попасть или уже

складывается такое мнение, что не попасть. Кольца Альманзора уже зацементировались кальцием традиции.

Вот тогда-то народ перестает слушаться местных вождей, но прежде учителей. У толпы пропадают авторитеты. Мы начинаем разговор о ремидах. Именно ремидов или старых авторитетов должны заменить недовольные зерефы, зеремиды, рефаги и прочие смутьяны – новое поколение со дна. Пройдет время, завершится некий невидимый цикл. И из новых людей во власти, совершенно новой революционной элиты сложится круг колец. Новая, теперь уже революционная элита превратится в тормозящий фактор. И теперь уже другие провинциалы столбятся за дверью, – захотят выбросить предыдущих на свалку.

Глава I

Антибудда

В 7 в до н. э. некий гениальный мальчик княжеского рода Шакья вырос в просветленного учителя своего народа. Будда открыл своей общине причину страданий. Нет, пока не колец. Причина страданий – желания. Нет желаний – нет страданий. Гениальное все просто. Если его община и род страдали, следовательно, они в целом и каждый в отдельности что то делали не так. А что же они желали? Будда запретил прикасаться к золоту, серебру и женщинам, ибо это главные соблазны, которые ведут к краху. Но золото и серебро доступны не всем, а только знатным людям. Хотя и низы могут желать золото, после женщин конечно. Перед нами картина из далекого прошлого, когда ремиды и зерефы возбуждены одновременно. Нет вопроса, нет предложения. Нет страданий, нет и Будды. Гаутама Будда не является богом, он является лишь одним из звеньев в череде персонального просветления. Будда постиг истину конкретного момента. А момент показывает, что все его родственники, окружающие люди были возбуждены и страдали от возбуждения.

Воистину, если предоставить черни много еды и женщин,

разве они удовлетворятся?

А если дать знати положенной славы, разве не станет нашим ремидам (элите) в один момент скучно? В том то и дело, что тот, кто будет стараться удовлетворить толпу целью, того ждет не только разочарование, но и народ этот ждет расплата. Которая наступает не сразу, а иногда задерживается надолго. Но что это будет расплата, то не вызывает сомнения. Нельзя удовлетворить познавшего голод едой. Нельзя успокоить познавшего рабства свободой. Первый убьёт себя беспричинным поглощением, второй угробит общину бардаком опьянения.

К середине XIX века мир получил очередное гностическое учение – марксизм, автором этого учения стал очень просвещенный и гениальный человек Карл Маркс.

Из этого просвещения мы понимаем, что Карл Маркс восстал не только против отца раввина, но и против целой системы раввинов. Капитализму был выписан неизбежный и бесславный конец. И этот неизбежный конец обеспечит ему, наделенный мессианской миссией пролетарий.

Кроме того, пролетарий мессия якобы построит, обязан был построить из «царства необходимости» царство свободы», когда от каждого по потребности, каждому по способ-

ности, – помните эти штампы Маркса? Заученные и зазубренные пропагандистами. Вот так, все по Марксу. Гениально! Каждый получит по талантам, это же так притягательно. Каждый получит, что хочет. Это самое главное.

Но вначале талант или таланты, отживших гнилых классов, уступят конечно место талантам помета из второй «пролетарской» коробки. Как же достигнет новый талант своего совершенства, это не ясно до сих пор. На практике кроме массового забоя реакционного «гнилья» царской аристократии, затем революционеров интеллигентов, затем такого же массового воцарения новых пролетарских господ ничего не произошло. Одни господа заменили других. И эти новые номенклатурные господа оказались гораздо отвратительней в подражательном фарсе своих свергнутых предшественников. У новых правителей совершенно не оказалось ни чести, ни аристократизма. Эти комедии дворняжек (и трагедии наблюдающих зрителей) воплощаются сейчас полным ходом. Кроме того наблюдающие и страдающие массы, кажется, вовсе не стремятся свергнуть очередных господ и тиранов. Более того, наперекор предсказаниям о скором будущем крахе новых симулякров государств тиранов и автократов, ревкон (революционный консерватизм) утверждает, что эти автократии значительно сильнее и устойчивее, нежели их коммунистический предшественник. Хотя СССР в размерах, высотах и глубинах кажется неизмеримо качествен-

ней, чем его остатки.

На самом деле новые режимы и общества более устойчивые, чем кажутся. Для понимания этого феномена мы и привлекли просветленного Будду и добавили своего ревкона. Современные автократии – это будды наоборот. Они удовлетворяют спрос населения. Потакают страстям. Если в категориях ревкона зерефам – зерефово, ремидам – ремидное. Все страсти как бы в покое. Магазины набиты невиданным доселе съестным дефицитом. Рынки переполнены разными марочными вещами. Каждая категория населения может выбрать себе еду и вещи по вкусу и карману. Неспособность некоторых приобрести желаемое и вожденное никого не волнует. Самые униженные низы здесь не играют политической и культурной роли. В фаворе счастливики. Кот выиграл – тот счастливик. Кто не может – тот неудачник. Ну а как же ремиды? Куда делись культурные слои?

Культурные слои чего?

СССР смог дать только ремидов 3 или третье более-менее обеспечение поколение, которое уже не руководствовалось насущной едой, вернее ее поиском. Пищевые цели заменились только гастрономическими, то есть с потребностью выбора стало все в порядке. Точно такие же зерефные требования созрели относительно вещей. Больше хороших и раз-

ных товаров! – была такая передача на экранах. Вещизм и чревоугодие стали на повестку культурно нравственного совершенства советских людей (этих ремидов, советской элиты значит). Самые талантливые из них, а это звезды голубых огоньков, попсы, в общем известные люди придумали название этому задним числом процессу, – совок. А внук сталинского наркома Микояна Стас Намин создал группу «Цветы». Передовую на тот момент группу, кстати. Передовую для ресторанов и подобной элитной публики конечно. Вот что такое ремиды№3. Это для наглядности, какую элиту вырастили в СССР. Эти люди хотели рыночных отношений больше всех. Им больше всех не хватало свободы.

Пролетарская элита из коробки №2.

И конечно воплощением дел нового помета стали те самые бесправные совки, которые хотели «больше разных и хороших товаров». Городские ремиды№3 были подготовлены бороться с преградой их разнuzданных и ограниченных совком страстей. Сам СССР их растил. И вырастил. Потому больше всех в перерывах разврата и обжорства, а также некоторых политических акций или просто даже статей, они налетают на это самый совок, как на черную кошку в темной комнате тогда и теперь. Вот что такое эти ремиды№3 или что вырастает из помета коробки №2.

Кроме того, если удовлетворить спрос этой, любой вообще массы в необходимых (зерефных) запросах, они будут заниматься этим до бесконечности. Но ожидаемой радости, как и ожидаемого удовлетворения, все равно не будет. Наоборот, толпа начинает злиться. Они сегодня действительно злятся. Испытывают ненависть не только к рядом стоящему, такому же жующему и поющему, но и ищут в новом неприятном чувстве систему – кто виноват.

Мгновенно появляются «жиды» и «чурки».

Такие категории как «черный», «чурка», «жид» и что-то подобное в зависимости от места происходящих событий тут как тут. Зерефы всех народов начинают кучковаться по известным только им признакам. И возглавляют новые банды на убой ремиды№3 или же рожденные в 50 -х и уже в 60 -х годах, то есть самых в сытых десятилетиях СССР появившиеся на свет. Появляются то тут, то там разъяренные группы молодежи, которые начинают скидывать монументы, символизирующее этот самый СССР. Скульптуры и мумии пролетарского вождя революции Ленина слетают на землю. Монументы начинают отвечать за совок и все ограничения того времени. Что еще раз доказывает, что чернь не благодарна, сколько ее корми или не корми. Если она разучивается трудиться и ей все время врут, что она «гегемон» или что сегодня она имеет права как электорат. Ложь злит больше всего.

Но на возможности, которые ей обещают, она реагирует чутко. Это то же самое, если добавить в рекламу возможность дармовщины.

В 1917 году было обещано.

Невероятная халява для всех «униженных и оскорбленных». И «кто был ничем, то станет всем» в это поверил. Из зерефов и зеремидов выросли ремиды и даже ремиды№3. Но, мы то знаем уже, что главное вожделение ремидов – это статус. Ничто не определяет статус как его гастрономический и вещественный уровень. Будет пост, будет и еда. Будет должность, будет все. А постов в тоталитарной системе всем не хватает. Кроме того элитные дворняжки начинают сильно выделяться, что раздражает. Вот тогда и появляются мифы про врожденные права граждан. Ремиды№3, они же эстеты помогают ремидам №2 – директорам, начальникам из СССР совершить приватизацию, а рынок обеспечивает зерефную толпу самым вожделенным дефицитом.

Система эта очень устойчива. Одним приватизация, а значит деньги, вторым слава, значит тоже деньги, а третьим – вещи в супермаркете. Если регулировать реמידные запросы в славе и зерефные потребности в моде, эта система стабильна как никогда. Для этого мы указываем самые простые пути достижения «стабильности», которые уже хорошо использу-

ют по наитию, или просто по инерции. Чтобы зерэфов ничего не беспокоило, кроме конкуренции, нужно обеспечить их товаром. Вот и все. Во всяком случае первой необходимости. Дальше запросы будут расти как грибы поле дождя.

Для этого ремиды устраивают между собой войну.

«Разборки». Информационную во всякому случае. В некоторых случаях и горячую. И зерэфы либо участвуют в оранжевых маевках, или выказывают полное безразличие к так называемым очередным выборам. Ремидам же, этим тщеславным маньякам и выскочкам нужно подкатить камеру и снимать, их снимать, снимать. Все фотографы знают, чем первобытнее население, чем дичее, тем больше они любят свою фотографию, салоны полны желающих себя увидеть в зеркале (сегодня в селфи). Точно также если ремидов все время внимать, брать у них интервью, представлять их политиками или просто политологами, они этим неизмеримо гордятся. Ведь все знают и они знают про свое ничтожество. Но техника делает из них великанов. Студии, редакции, помещения забиты всяческими аналитиками и специалистами от маклеров до дилеров, от профактивистов до кинологов, в общем, нескончаемый мусор обрушивается на головы тех, кто, итак, чем то занят, кто не может и не хочет это употреблять, но в перерывах между готов услышать нечто про себя под именем электорат. Ты – электорат! (В кино, что

видят зрители? Себя! Себя видят героями. Отсюда невероятная популярность реалити шоу типа Дом 2). Но ведь эти редакции и студии еще живут. Следовательно, еще есть средства на мишуру или сопровождение еще более значительных событий. Которые, в общем то, массовой публике не интересные. Инерция на самом деле и есть тот самый антибудда. Зерефам зерефово! Ремидам – власть.

Глава II

Царство небесное. Почему ремиды уступают

Когда султан мусульман Саладин взял в осаду Иерусалим в 1187 году, оборону «Царства небесного» возглавил барон Балиан. Но так как все рыцари иерусалимского королевства были убиты в битве при Хаттине за три месяца до осады, барону Ибилину пришлось принимать в рыцари всех защитников Иерусалима и тем самым поднять их моральный дух.

Люди, что пришли царский в вагон под Можайском за отречением через 784 года, а также, кто хотел замены самодержавия на республику и поспособствовали падению Николая II – кто они? Генералы России в роковые дни февраля и марта 1917 года были как раз «новыми рыцарями», наподобие принятых бароном Ибилином для защиты «Царства небесного» Иерусалима.

Назовем имена этих новых дворян, чьи предки совершенно не были «рыцарями» за 100 и меньше века до судьбоносных событий.

Начальник штаба Верховного правителя генерал Алексеев – сын отставного солдата фельдфебеля.

Командующий Северным фронтом генерал Рузский – сын чиновника XII класса (корнет, прапорщик, мичман)

Арестовавший царскую семью командующий Юго – западным фронтом генерал Корнилов – сын хорунжего и простолюдинки.

Командующий Западным фронтом Деникин – сын крепостного крестьянина.

Один из двух делегатов от Думы фабрикант Гучков из купеческой семьи.

Из потомственных дворян только генерал Брусилов. И второй из пары подписантов – Шульгин. Но оба уже болели вечной болезнью русской интеллигенции – самоедством.

Стоит упомянуть, что и вожди двух левых революционных фракций – эсеров и большевиков – Керенский и Ленин были сыновьями провинциальных дворян имени.

Что им не хватало? Правды? Справедливости? Или побед

на русско- германском фронте? Хотя, скорее всего, побед. Но за недостатком побед для гордости ведь что то еще, что никому не понятно и не видно.

Традиционный режим, любой выстраивает жесткую социальную пирамиду. Хотя основатели любой пирамиды желают оставаться наверху вместе с потомством, они также заинтересованы, чтобы наверх просачивались более – менее толковые ребята, чтобы было меньше бардака и возни. Хотя бы так. Если же набрать наверх только исполнительных придурков, то бардака и возни будет больше самих дел. Но все равно, каждая часть пирамиды хочет узаконить свои права на место на века, то есть остаться наверху навсегда, и что бы ни один выскочка не занял место его детей, которые получают место отца, ранг и чин по наследству. Казалось бы, все свергатели Николая II получили все возможности для карьеры и осуществили свои желания. Выросли почти из самых низов. Но все равно, что то в этом было не так. Желания осуществились, но внутренние какие то черви остались. И эти черви – кольца традиции. Как ни крути эти кольца, и как не ломай, они все равно сожмутся. Сожмутся так, как это надо традиции. А традиция все время хочет окостенения, хочет застоя. Отсюда вечный, повторяющийся периодически застой в традиционном мире, которые меняются на такие же резкие революционные взрывы.

Что взрывателям все время не хватает? А не хватает как раз ранга повыше, причем всем не хватает поголовно. (Многие бывшие советские граждане ведь знают, что джинсы, Кока – кола и жвачки тут совсем не при чем. Одевали джинсы и жевали жвачки только мажоры партэлиты. Вот как смешно проявилась плебейская тяга в элитарности, которая в царские времена выражалась костюмами, пуговицами и воротниками, – у каждого класса чиновников свой воротник пальто!)

Глава III

У традиции глаза жабы

В иерархической общине если ты падаешь вниз, то ты никому не нужен. На дне все смотрят на условный верх. В таком виде традиционное общество напоминает лягушку или жабу, видящее все голубое небо, но не тину болота или грибок со дна колодца. Условной лягушке или жабе нет дела до простейшей жизни под ногами. Вот так, упавший сверху вниз, еще будет замечен во время падения, еще доли секунды, но это будет последняя почесть глазами, а дальше небытие. Каждый небожитель это знает. И знает, что наблюдают не лягушки, они просто похожие по направлению глаз и внимания. Само падение будет всем сладко. Потому никто падать наверху не хочет. А хочет тихо умереть на вершине. Еще лучше с почетом. Чтобы вынесли вперед ногами. А ведь так происходит до сих пор.

Не знаю, объяснил ли я причину отказа от добровольного ухода из власти по существу, но в этом что то есть и для другой проблемы из этой же области.

Дело в том, что как только заветное первое место освобождается, в ту сторону бросаются многие, в том числе совсем недостойные быть на пике. То есть к власти стремятся все,

всеми фибрами традиционной души. Но почему так безответственно ведут себя претенденты, ведь мы знаем, что традиционные люди – самые ответственные на свете? Они всегда отвечают за поступки перед обществом. Перед отцом, перед братьями, перед совестью предков и славой. Но ведь никого это не останавливает. Не потому ли, что эти самые жабы глаза победителей не судят, а ждут. Кому бы поклониться и принести часть своего урожая. Все уже ждут, кто же там воссядет на вершине, чтобы отнести ему свои овощи с огорода или тушки дичи с охоты. Уже готовы подносы, уже согнулись спины. Жабы глаза уставились туда. Главное, залезть туда.

С чем связана та же беспринципность революционеров, что они забывают, что лезут вперед не по талантам? Разве не с теми же самыми жабыми глазами традиции?

А простите, беспринципность каких революционеров?

Если эти революционеры вышли из традиционного мира, традиционной общины, то сама традиция это все объясняет. Эти самые революционеры прекрасно знают, что общество с глазами, смотрящими только наверх, признает власть. Любую власть, хоть инопланетную. Надо взять власть. А дальше можно делать, что захочешь с этой толпой. В истории полно примеров, когда не самые лучшие обгоняли в борьбе за власть более достойных и одаренных. Но себе же на голову. Конечно недостойные обходили достойных не всегда, а в тот момент, когда не было прямой опасности. Иначе ни

один недостойный рисковать не будет. Именно в тот момент, когда выскочка оставался один на один со своим более достойным противником в окружении традиционного народа, невежественной толпы, он мог иметь все шансы соблазнить толпу, взять власть. Потому что опасность исчезла, нет риска, не нужно больших талантов. Нужно заняться только популизмом. Лстить направо и налево. Соблазнять своей добротой и простотой. Сулить золотые горы. Орать как в джунглях «Мы с вами одной крови!» Толпа сама не любит ярких. Она любит простых, себе подобных. Она выберет себе подобного по образу и подобию, – по тщеславию.

Глава IV

Глаза на лбу

Традиционный человек имеет глаза на лбу. Для того чтобы видеть движение наверху. Оттого что он не смотрит, что происходит внизу, он может прыгнуть в любую сторону просто так. Если он при этом заденет себе подобного, он извинится. Но это оттого, что в этот момент извиняются другие. Если они не будут соблюдать культуру уважения, значит они не будут уважать себя, ибо каждый прыгающий в бок, назад, в сторону – это он сам. И на кого запрыгивают, тоже он. А себя он любит, хотя и не уважает. Ну, в каком смысле уважает? Если бы он натужно и под влиянием себе подобных прыгунов не уважал, или не делал вид, он бы себя презирал, как он презирает любого опустившегося человека. И ни один уполномоченный и сильно уважаемый человек никак не хочет падать, терять власть, чтобы глаза на лбу ему подобных традиционных людей перестали на него смотреть. Но каждый раз кто-нибудь наскакивал сверху, со стороны, хоть откуда и при этом не всегда извинялся за наскок. В общем, превосходство в традиционной общине важно, чтобы, в том числе избавиться от случайных наездов-наскоков, чтобы меньше людей наступали на ноги. Они ведь все имеют, еще раз, глаза

на лбу. Так обязывает иерархия или культура по-простому говоря подчинения. Будет власть, не будет и нападок.

Кроме того традиционный народ кружит вокруг центрального стержня, которого никто не видит, но все знают, что он есть. Все люди с глазами на лбу нанизываются на это стержень невидимыми штырями, но при этом они умудряются прыгать в бок и в стороны, но все же не падая и не поднимаясь выше границы невидимого штыря, где им нарисована риска, куда прыгать нельзя. Они прыгают вокруг штыря, на условно говоря определенном уровне, чтобы кто-то снизу не запрыгнул к ним на уровень, а в это время, прыгающие в бок и в стороны чуть выше, прыгают в бок и в стороны, чтобы запрыгнуть на наглеца с нижнего условного уровня. Вышестоящий легко гадит на нижестоящего. А нижестоящий молчит или говорит спасибо. Наступление на ноги это такой же сигнал, что дальше наступят и на голову. По этому же принципу снизу летят головы или точнее те существа с глазами на лбу, что потеряли чувство прыжка (чувство меры). Хотя может быть за время прыжков в бок, в стороны, вперед и назад, но на своем уровне, они хорошо наелись (условно говоря обогатились). Но упали. А это значит, за ними будут наблюдать на каждом этаже невидимого центрального столба, можно на них прыгать или нет, можно наступить на ноги или нет. Если они потеряют или потеряли свои деньги, они могут превратиться в касту отверженных. Чтобы не попасть в касту отверженных, все упавшие с высоты, быстро переез-

жают (отпрыгивают со всей силы) в другое пространство, где нет этого центрального стержня, на котором нанизаны все прыгуны вместе взятые. А так как прыжки часто ускоряются, как будто все попали в зажатое пространство, у традиционных людей все время ощущение, что пространство вокруг сужается, начинаются временами панические прыжки на любом уровне, то наверх не попадают люди с глазами посередине. То есть нормальные люди. Назовем их условно талантливыми, талантливыми потому что у них обзор несколько шире. Но если обзор увеличивается, то значит, они не так чутки к шевелениям сверху и прыжкам со стороны. Отсюда их нежизнеспособность и объяснение, что они никак попасть наверх не могут, хотя отбор идет не за прыгучесть, а за глаза на лбу. Чуткие, зрячие, уступающие, льстивые, но все же с глазами на лбу. Туда даже могут попасть зерефы из других пирамид с центральным иерархическим стержнем, то есть даже из другой нации, но обязательное строгое условие – это глаза на лбу. И повышенная чуткость кожи. Ибо прыжки в бок и в стороны никто нигде не прекращает ни на секунду. Чтобы традиционные люди, у которых глаза стали видеть вокруг, то есть по своему талантливые не попали повыше, условно забравшийся сверху, стараются еще и обгадить, или наподличать, ехидно улыбаясь. То есть они видят, что уступают в обзоре, но знают, что в этом мире отбор идет по другим глазам. Пусть они будут косые, большие – пучком, узкие, голубые, карие, но все таки они должны находится на лбу.

Но подличать и гадить незаметно они все равно будут, потому что они изначально считают себя выше. В некоторых семьях, где у сыновей появляется немного другой взгляд на вещи, а мы говорим тут о традиционных семьях, там отцы семейства все время с установкой, что глаза у них всегда на месте и они всегда правы (отцы всегда правы), будут это отклонение глаз не на лбу исправлять (воспитывать). Хоть чем. Хоть прямо, хоть подлостью. Если только сыновья умудрятся прыгнуть на уровень повыше, чтобы традиционные отцы их видели, в таком случае любые глаза у сыновей одобряются и принимаются. Пусть даже сыновья эти воруют, грабят, коррупционируют, они ведь прыгают высоко в диком обществе. Это очень хорошо для всех диких людей. Они восславят и имя отца, и имя селения, и имя рода своего. А это очень важно на невидимом стержне, где все прыгают в бок и в стороны по тем же самым диким законам.

Глава V

Скромный лицемер

Против ремидной петли (ремидная петля – борьба ремидов между собой, после чего впереди, вариант, у власти оказывается зереф, дикий и волевой человек)

После смерти Ленина.

Означает ли это, что если власть валяется на дороге или реальный кандидат испытывает трудности, менее талантливый ее подберет, как, например, случилось с большевиками после смерти Ленина.

Для примера взята попытка Зиновьева – председателя Петросовета, член Политбюро и ЦК и Каменева – председателя Моссовета и глава СТО отодвинуть самого талантливого в ЦК – военного министра Троцкого. Ведь оба знали, что не потянут ответственность и талантами ниже ЛДТ. Далее партийный аппарат поддержал еще более незаметного и посредственного Сталина. Сталин в 1936 году казнил Каменева и Зиновьева – логическое завершение ремидной петли, когда в борьбе самых одаренных вперед выходит самый бес-талантный.

После смерти Сталина.

Самым влиятельным среди советской элиты выглядел Бе-

рия. Но против него объединились Маленков и Хрущев, которых поддержал маршал Жуков. Берию расстреляли. Маленков был уверен, что должность председателя совета министров главная (ее занимали Ленин и Сталин). Руководить партией он рекомендовал сталинского шута Хрущева. Но просчитался. Кто руководил партией, тот руководил всеми.

Далее.

В 1957 году соратники Сталина Молотов, Каганович, Маленков уже решил сместить Хрущева. Вряд ли Хрущев был самым талантливым и ремидная петля тут выглядит скорее ремидным фарсом, ибо все участники являются зеремидами и провинциалами (все родились в деревнях и поднялись благодаря революции 1917 года и контрреволюции 1937 года Сталина). Самый талантливый из бюро Президиума ЦК маршал Победы Жуков сказал: «Я обращусь к народу, народ меня поддержит!» (раздавить вас – Молотов, Каганович, Маленков). За эти слова Жуков через четыре месяца был обвинен в бонапартизме и отправлен в отставку с поста министра обороны СССР.

Фарс выбора.

Когда Хрущева отправляли в отставку, то никто не хотел выйти на первое место. Все боялись расправы Хрущева. Однако когда поддержка силовиков была гарантирована, аппаратный люд договорился на смешной фигуре Брежнева, который в самый разгар борьбы Хрущева с Молотовым, Кага-

новичем и Маленковым упал в обморок на заседании Бюро, (почти как престарелый кардинал Жак Дюэс, которого избрали Папой Римским, в надежде, что тот умрет сразу после избрания. Дюэс во время Конклава изображал себя все время больного и умирающего на соборе кардиналов и те купились на этот трюк)

Наконец, после смерти Андропова на пост Генерального секретаря и руководителя СССР был избран 73 летний Константин Черненко, «старательный исполнитель», «никогда не рвавшийся к власти», которого с самого начала верховного правление забирали с больничной койки, передевали и просили зачитать заготовленный текст. Ну разве не явное доказательство деградации и отрицательной селекции?!

Молодость, а не талант.

Самым главным аргументом при выборе нового лидера СССР Горбачева был не талант, а только молодость. М. С. Горбачев – последний вождь СССР, он же сын комбайнера. Вот вам и диктатура пролетариата. Где самое главное было родиться где-нибудь в Сибири, в семье какого-либо забойщика, слесаря или деревенского кузнеца. Как видим, лозунг диктатуры пролетариата превратился в мем, где самого лучшего выбирали из худших. Выбирали из большинства, кого было больше в стране.

Какие выводы?

Ремидная петля – это борьба элиты и самоуничтожение лучших правителей в результате «плохого воспитания», на-

дежды на авось, использование слабости самого достойного по причине обязательной скромности. Если самый достойный не будет скромным (например, Троцкий) его сразу же начнут третировать, упрекать и наконец, совсем исключат из числа претендентов.

Далее этим отбор не заканчивается. Ибо на самом деле во всем виновата традиция. Она начинается со скромности и заканчивается большинством голосов. Кого физически больше, те и решают. А где физически больше народа было в СССР? В традиционных семьях. Помните поговорку о смирном телке, что двух маток сосет? Выбор не самого доброго лидера, а самого нехорошего. но скромного начинается в семье, в семьях. Кого любят родители? Самого больного, самого слабого. Удивительно, но это семейное явление любви, почти традиционное переходит снизу на самый верх – в аппарат партии и правительства, где тоже любят самого слабого и больного (вспомните физически больных и немощных Леонида Брежнева и Константина Черненко, которых «любил» народ).

Как же преодолевается эта ремидная петля, являющаяся на самом деле отголоском традиции?

Конечно же выбором самого лидера достойной замены. Если сам лидер не подберет лучшего из своего окружения, то традиционный народ через свою элиту выберет самого плохого, «скромного» лицемера.

Зерэф – традиционный человек с жестко поставленными

социальными поступками, рефлексия низкая почти zero, отсюда и слово зереф – рефлексия zero (zeref.). Не имеет полутонов, служит идолам рода, общается в кругу родной крови. Оттого что не имеет полутонов восприятия, категоричен, непримирим, враждебен к чужому.

Глоссарий:

Зерефная петля – беби бум, перегрев локального народонаселения.

Зерот (ы) – феодальная элита.

Зеротная петля – создание зеротами кастового жестко словного общества. Отсутствие социальных лифтов. Революционная ситуация.

Зеремид – человек первого поколения города, имеет наполовину жесткие социальные рефлекс обычая и новые навыки городской жизни, наполовину городской, наполовину сельский.

Зефа – человек из первого поколения города с наклонностями в сторону рынка и спекуляции, причем торговать, хоть чем, его вынудили обстоятельства.

Зеремидная петля – лицемерие, фарисейство, фана-

тизм, подстраивание маргинальных слоев под существующую идею и порядок. Когда в элите организации от религиозных до правительств накапливаются зеремиды, происходит застой и кризис. Крах идеи и системы.

Ремида – традиционная элита, правители, чиновники, авторитеты, учителя; ремида ставят поступки зерефам, определяют мораль, законы, политику, рефлексия средняя – middle (remiddle).

Ремида петля – борьба элиты с самой яркой личностью, сговор вторых и третьих лиц против героя и пророка

Рефаг – человек торговой цивилизации в несколько поколений, рефлексия высокая, эгоистичная, утилитарная – refag (re + high).

Рефажная петля – соблазнение традиционного населения модными товарами, быстрой выгодой и перспективой быстрого внефлексивного роста. Манипуляция зерефами, зеремидами, зере – физическим большинством, желающим превратиться в элиту, заменить зеротов, ремида во власти.

Рефажная петля расширенная – наличие зеротной петли (феодалных каст). Первая фаза: соблазнение традиционного населения модными товарами, быстрой выгодой и перспективой быстрого возвышения. Культурный кризис. Люм-

пенизация научной, культурной аристократии. Неуважение к учителям. Вторая фаза: Экономический кризис. Протест зерефов, зеремидов, зере, молодых рефагов против традиционной элиты. Требование равенства возможностей, отмены любых ограничений.. Манипуляция третьим лицом зерефами, зеремидами, зере, молодыми рефагами – физическим большинством населения с целью смещения традиционной элиты – зеротов, ремидов. Майдан. Желание зерефов, зеремидов, зере доминировать без любой степени соответствия кандидатов на авторитет: высокую должность, почет, славу. Минута славы. Могут все.

Зелот – сверхчеловек.

Глава VI

Отрицательная селекция

Сложилось мнение, что при автократии и диктатуре партии народ ничего не решает.

Так ли это?

Это неверное поверхностное мнение. И самый первый вопрос – откуда это правительство и сам автократ взялись? Ну не с небес же упали на эту точку земли, где правит автократ со своими людьми. Не с облаков, не с луны.

Эти люди являются производными народного выбора, который не происходит официально, то есть прямо, чтобы все видели, как это происходит на лицемерных демократических выборах. Это выбор интимный, семейный, этот выбор делает каждый глава семейства и его жена с детьми. Никто же не заявляет дома отцу, я за тебе голосовал, я тебя выбирал. Любовь уважение не любят посторонних лишних криков. Это выбор культурный, это выбор добровольный. Мы не выбираем своих родителей. Если бы мы выбирали, как это требуют либеральные методички, то род людской пресекался бы еще до библейских времен. Мы выбираем объективно, мы выбираем притяжением.

Но в одном случае это хорошо, когда это происходит в се-

мье. Но как же получается, что на улице или в каком-либо общественном месте нам не нравится наш правитель? Мы любим своего отца беззаветно и самозабвенно, если конечно он этого заслуживает. Даже если не заслуживает, традиция, культура народа нас обязывает показывать уважение. Даже самому бездарному и бестолковому отцу. Это наш долг уважать стариков. Так жили наши предки, так живем и мы.

Но вот официальные люди растягивают плакат. На нем написано «Слава отцу нации!» Любят ли они его на самом деле или выражение любви обязательно, как ношение галстука у чиновников? Любят они своего покровителя и отца родного или нет, но это культура такая. Если они проявят свою независимость и самостоятельность, система их исторгнет, как исторгает вулкан пепел из кратера. Вот так и родители не любят слишком самостоятельных и строптивых сыновей. Вот так и общество недолюбливает сомнительных личностей.

Любой человек, претендующий на власть должен показать, что он подчиняется обществу, более того усыпить бдительность и эгоизм каждого. Отсюда всеобщая нелюбовь к так называемым личностям, а еще точнее нелюбовь к талантам. Как дурнушки ненавидят красавицу всем сердцем, так и традиционные люди подозревают личность в воровстве любви. Одаренный человек еще ничего не сделал, а вокруг него уже создается молва, что он враг народа. Что он враг государству, враг отцу. Зерефы, зеремиды, даже ремиды из-

за конкуренции за сосцы общества сделают все, чтобы «родители» видели только их преданные лица. Так преданность и желание угодить выходят у традиционного народа вперед. Начинается отрицательная селекция.

Глава VII

Главное для традиции взять власть

«Мне не нравится, когда люди убивают, но если народные массы так ненавидят кого-то, что их гнев нельзя сдержать, мы не будем им мешать... Народная милиция должна быть на стороне хунвейбинов, объединиться с ними, сочувствовать им, информировать их...»

Се Фучжи, министр общественной безопасности КНР,
1966 г.

Итак, правило первое – взять власть. Пусть она валяется на дороге, часто такое бывает, пусть на пути к власти тернии, кто власть берет, тот может долго и счастливо править. Все традиционные народы в истории преклонялись перед властью, послушно выполняли ее приказы и даже обожествляли. Главное, это власть взять. Власть божественна. Сам традиционный народ тут слепой. Признает любого властного божка. Этим, кстати, часто пользуются даже сегодня. Правитель может назначить временно кого то вместо себя, а затем снова путем демократических выборов вернуться на прежнее место. Такая рокировка наверху возможна не у всех, а имен-

но у традиционных народов, которые власти верят. Стоят и молчат во всяком случае. Не сказать уже, что верят слепо, но это культура такая – верить власти. Ведь власть вся – от Бога!

Значит ли это, что лидеры главных советских коммун Каменев и Зиновьев и соперники Троцкого рассчитывали на такой эффект? Мы возьмем власть. А дальше народ признает в нас преемников Ленина. Кстати, относительно неплохой вариант для СССР. Во всяком случае предполагает возвращение внутрипартийной демократии. Ну в этом деле настоящему интеллектуалу вернуть себе власть, не представляется несбыточными надеждами. Здесь было необходимо отменить решение X съезда ВКПб 1921 года о необходимости крепить дисциплину и запрещавшую внутрипартийные дискуссии – на это решение потом будут опираться люди Сталина, чтобы расправиться с оппонентами. Но ведь, когда принималось это решение, шла гражданская война. (Но зеремидная война вечная, даже если ее буквально нет, у зеремидов она есть всегда, даже во сне и спячке наличествует)

Зиновьев и Каменев – ремиды, отличная альтернатива!

А ремиды это всегда творческое начало, допущение критики и интеллигентская рефлексия насчет собственных ошибок (У зеремиды нет рефлексии, есть только комплексы). С ремидами у СССР возникали неплохие перспективы. Самое главное отмена практики «давай – давай», даешь результаты любой ценой, – командно-административный стиль ру-

ководства был бы отброшен прозапас. Ремиды – это творческое начало и такой же подход к каждой проблеме. Ремиды не друг друга критикуют, поддерживают, стараются исправиться, если вникают в свои ошибки. Ремиды проявляют принципиальность, и нет принципиальней людей, но исключительно и только во имя закона и во имя высокой цели. Ремиды – лучшие представители аппарата принуждения – государства. И уж лучше бы они принуждали своим примером, уж тем, что не воровали бы. И, уж тем более, ремиды не изводят друг друга физически, за исключением разногласий разве что на уровне веры. Вера ремидов – это само государство. И язык расстрелов – это не их язык общения. Язык убеждения, служения народу. Раньше были дворяне, офицеры – люди чести. Вот точно такие же ремиды, но без родословной и погон. Когда нет никаких других решений, ремиды попытаются даже договориться, сделают последнюю попытку примирения (другое дело безполутональные и возбудимые зерефы, которые всегда общаются резко, как на природе, как на охоте, зерефы определяют быстро: друг-друг, враг – враг и посередине ничего нет. Только инстинкты. Отсюда же и враги народа, отсюда и пули, как стрелы во врагов конце раздора. Если подобному народу дать волю, он начнет искать свою истину, первым делом в этом поиске он найдет виноватых, то есть своих врагов найдет. И не факт, что врагом не окажется земляк, сосед или вчерашний товарищ по учебе. Самыми последними врагами пойдут: отец, брат

и прочая родимая «мелочь». (Но для возбуждения народного поиска виноватых на вершину преклонения должен подняться, еще раз, зеремид. Как только он столкнется с первой же проблемой, он включит свой народный мозг и призовет народ помочь ему в борьбе с личными врагами без разного «творчества» и рефлексии сомнения. Для зеремиды нет такого сомнения, нет рефлексии, его беспокоят только комплексы. В этом смысле толпа тоже часто прикрывается религией, традицией, даже патриотизмом, но в себе хранит тайну внутреннего зуда и комплексы внутреннего самопрезрения. Но, еще раз, выбирают те, кого физически больше. Они и выбрали не очкариков, а Сталина). Но кто бы не был виноватый, он будет обязательно врагом настоящим. Он будет больше напоминать стрелочника, всем своим жалким видом напоминая, что он есть жертва слепых, озлобленных людей.

Глава VIII

Жестокий хамелеон рядом и внутри

Может сложится мнение, что традиционная система всеядна, что она способна на вживление. Это действительно так. Она способна на вживление. Она как хамелеон принимает нужную форму. Но внутри себя остается все такой же традиционной системой. То есть традиционные люди не могут без иерархии. Какую бы систему зерефы не создавали и как бы ее затем не называли, они все равно создадут иерархию, где будут начальствующая элита и будут презренные подчиненные. Они не могут без этого. С чем это связано, очень трудно объяснить. Может быть с климатом, может быть еще что-то сопутствует наитяжелейшим условиям жизни, что обязательно нужен вожак и его люди, дисциплина общины. Но традиционные люди где бы они не собрались и куда бы не переместились под влиянием нужды, голода, на новом месте они снова будут жить, как и раньше и ничего не изменится. Уже было сказано, что все время есть невидимый центральный стержень, а на него нанизываются все остальные круги, вот эти самые круги и есть традиционные страты. Вы можете жить при натуральных отношениях обмена продуктами, можете потреблять при капитализме, учить-

ся при социализме, даже при демократии, этот центральный стержень будет стоять и там и тут. Но его никто видит. Хотя все, кто внутри, все прекрасно построятся. Верховные жрецы будут окрашены в цвета элиты, остальные будут стоять по рангу, как будто они прямо сейчас снова бросятся в бой.

Все дело, какое очередное качество будет центральным. Если при феодализме – это родовитость и подчинение знати по крови, при социализме способность запоминать и перенимать у революционеров слова и лозунги, то при капитализме, когда в общем традиционный народ не знает смысла денег, все зерефы начнут спекулировать. Да так, что обгонят своих учителей в жесткости и цинизме. Авторитетные капиталисты удивятся, а революционеры перевернутся в гробу, откуда у этих людей столько жесткости по отношению к своим, именно к своим? А когда традиционные, крипта традиционные и пост традиционные люди были чуткими друг к другу? В родовом коллективе родня все увидит и не позволит: накажет за черствость, за неучастие, за неуважение, то есть свидетели рядом. Традиционный человек был на виду, перед общиной всегда. При феодализме, зереф должен соблюдать нормы морали общины, при социализме утроенная лозунгами мораль вообще давила на зерефа больше нажима родственников. При капитализме это тройное давление исчезло. Тройное! И сразу отрезало, – настало время выстраивать новую иерархию. А кто из подобных же людей подвинется просто так? Уступит место. Захочет стоять внизу и трениро-

вать глаза на лоб? Сверху всегда нажим и насилие, нагоняй – на поверку все такое же традиционное, без сантиментов цивилизации. Снизу исполнение и чуткость с глазами на лбу. Отсюда и жестокость банков – этих инстанций или чужих форм, которые в себе есть традиционные субстанции. В банках сидят кто? – Зеремиды. То есть свои. А мы знаем, что зеремиды должны быстро подняться, если уже не поднялись, то есть такие же традиционные люди. А традиционные люди всегда только дают. На себе подобных, точно таких же людей, но к их несчастью ниже статусом. Если в натуральную эру были всякие герои, воины, то сейчас в царстве денег эти герои и воины – самые жестокие, бессердечные спекулянты. Они не видят родни и не ищут никакого родства. Они просто дают и принижают. Дисциплина во имя дисциплины. Таков закон выживания. Таким он был, таким и остался.

Куда оно делось?

Все люди размешались в городах. Но какие это люди? Что они исповедуют? Какие ценности признают? Как быстро и четко они подражают чужие формы, но тут же остаются самими собой.

Если мы смотрим на ряды чиновников и видим, что в ряды избранных набирались не за профессионализм, то мы точно укажем – это традиционный отряд псевдо воинов. Для реальных боевых столкновений они мало приспособлены, потому и вид имеют весьма странный, но под приватизацию, например, этот вид и, самое главное, качество кандидатур

будет оптимальным. Никогда не забываем, что стержень традиции уже стоит в самом центре, а на него нанизываются круги один за другим, один на другого. От нужных людей системы требуется только молчать и выполнять поручения, совсем как на войне. С другой стороны, каждый руководитель звена будет подбирать точно такого же молчуна и родственника – такой же необходимый анахронизм традиции, на самом конце он такой же подходящий, как и на самом верху, только наверху пока соблюдается форма, а внизу сразу формы нет. Внизу все просто: не справился, не устраиваешь – гуляй. Таким образом вся рыночная система создается по традиционному (военному, полувоенному, крипта военному) признаку и чужим, чуждым, опасным и непонятным в этом строю места нет. Хотя это уже не строй первобытных воинов, но это уже система, социально-экономическая формация. Даже государство такое. Состоит только из формы. Институты государства вроде бы есть, а содержание старое, феодальное.

Как же ее немного преодолевали, чтобы каждый руководитель звена не выбирал свою тень?

При социализме была конечно ротация, чтобы один чиновник не создавал себе круг «друзей». Собственно и при капитализме это проблема знакомцев решается такой же сменой руководителей, только успевай их перемешивать. Но ведь все они подбирались под приватизацию и распределения благ, то есть – это не родня, люди не совсем уж род-

ные, это родня своеобразная, это почти средневековый орден. И не забываем ни на минуту про центральный стержень. Чужого, человека с улицы в такой орден не пускают. Да такой степени, что они сразу успевают договориться. Но в общем и целом иерархия уже сложилась. Собственно она и жила тут. Но в культуре. И люди избранного круга крайне неохотно подбирают себе помощников неизвестно откуда, непроверенных, но все таки лифты еще есть.

Это какими способностями нежно обладать, чтобы угождать новой элите?

Она вроде бы капиталистическая и все время говорит о новом витке мимикрии – о демократии. Но тут же все та же традиционная, где нет критики, есть дисциплина и мало кому можно говорить о ней (о власти) плохое. Ведь если они начнут, эти очередные честолюбцы говорить о ней, о демократии, о правах, тем быстрее вся система с центром и кругами развалится. Но для чего развалится? Чтобы снова собраться на тех же самых запретах и уважении старших (по положению). Что такая система соберется снова, в этом нет никакого сомнения. И чем больше народ говорит о приверженности к старине, к заветам предков и тому подобному фольклору, тем скорее это старое строение соберется, вопреки новой моде однако. Ведь традиционные люди хоть и выглядят приверженцами старины и говорят о заветах, на самом деле в тот же момент являются самыми нелепыми, но ревностными подражателями мировой моды.

Потому что для создания первобытной иерархии (по крови), нужно пройти все круги перерождения назад с поиском этих самых людей знаменитой крови. На словах это всегда звучит красиво. На деле люди прошлой загубленной знати прошли множество битв, чтобы подчинить точно таких же свободолюбивых зерефов прошлого. И при капитализме набор также произошел и многие глотнули радость больших (неважно как полученных) денег. Ведь цель – все, а средство ничто. Этот закон звучит невидимыми звуками, создавая новые круги вокруг центрального стержня (иерархии) Чтобы вы не построили, буду я, – говорит этот стержень. О чем бы не говорили на пирах, корпоративах, тусовках или просто так от чванства и хвастовства, про великое прошлое или яркое настоящее, рядом с вами то же я – ваш стержень, ваша культура.

П. С. Кстати, на этом двойственном лицемерии и фанатизме одновременно построена современная геополитика. Западный мир поддерживает демократию архаичных народов. Архаичные народы неизбежно создадут старое первобытное общество вместо демократии, потому что всегда будут опираться на заветы, когда возникнет любой спор. И разрушат все накопления современной цивилизации.

Глава IX

Страхи старой жены. Или почему традиционное общество бездарно

Что в традиционном обществе вечные трудности с ротацией об этом знают сегодня все. Все знают, но и ничего сделать не могут. Сделать не могу, и не хотят ничего делать. Это такой феномен, сознание, разбуженное кем то со стороны просыпается, может писателем, аналитиком, журналистом, а традиционный человек все спит и спит. Или делает вид. Обычно под ротацией понимают верховную власть или наконецник. Лидер, вождь или по-современному политический лидер не хочет уходить. Не хочет уходить и даже заявляет, что не видит своей замены. Обязательно эта сцена произойдет. Некого поставить или кого вы поставите после меня? В общем, нет замены, как ни крути. Все ждут, как в сказке о Ходже Насреддине про его эмира и говорящего осла, кто первым околеет.

Этот феномен нежелания всего верхнего слоя уходить в отставку добровольно по состоянию здоровья или некомпетентности, вроде бы как то мною был раскрыт. В иерархическом обществе, как только сановник, чиновник, упол-

номоченное лицо уходит в тень, его сразу перестают замечать, причем все, даже родные, которые еще оказывают знаки уважение по привычке. Происходит шокирующее изменение людей. Отношение к отставнику всего окружающего мира традиционных людей меняется в плохую сторону. Ни за что! Говорит себе властитель или даже просто чиновник. Пусть я умру за рабочим столом и меня внесут из кабинета вперед ногами, я не хочу разочаровываться в моих людях. Я их так люблю, а они меня. Пусть пока, пусть лицемерно, но я не готов к забвению. И никто не готов. Оттого ротации никто на самом деле не хочет. Все хотят любой любви, пусть лицемерной своей или чужой, но любви, почета и уважения.

Но такое состояние нежелания характерно, как я уже сказал, всем. Даже не высшему слою знати. Даже полу знати, и полуполу знати такие мысли – страхи приходят. Даже не мысли, а просто чувство страха потерять свое место. Чем ниже человек в иерархии, тем ему безразлично, что его ждет. А вот чем выше, тем больше переживаний. Но если человек попал на почетное место хоть один раз, он оттуда уходить никак не желает. Он хочет приватизировать свой номер, как в кадастровом списке частную собственность расчетливый частник. Хотя у традиционных народов частная собственность была плохо развита. Но никто не додумался закрепить за правителем вечность его правление, кроме его самого (и его окружения, потому что они тоже уйдут вместе с ним). Оттого что частную собственности на власть никто

вписать не может, за эту власть цепляются любыми возможным способами.

Но за любую почетную должность традиционные цепляются, как уже было сказано. И даже полу элита и полу полу и на четверть элита ведет себя неадекватно (на взгляд современного молодого человека) Эта полу, полу полу, на четверть элита ведет себя как старая жена богатого господина. Она окружает своего мужа сверх заботой и внезапным сверх вниманием. Если конечно на горизонте появляется молодая соперница. Все другие жены (нашего условного) господина и повелителя в гареме начинают кружить вокруг мужа, создают кольца забвения. Чтобы, естественно, он никого не увидел вне пределов танца любви старых жен (а у нас чиновники эти жены – А.Б.). Увидев где-то талантливую соперницу, старых экспертов охватывает страх. Если мы все вместе промолчим, то его никто не заметит! Все пенсионеры или кому пришел срок делают это, даже не договорившись с другими пенсионерами. Это просто животный инстинкт какой-то их всех собирает и объединяет. Вы видели как глубокомысленно молчат старые коровы?

Все традиционные люди, которые вроде бы поселились в городах и уже по одежде вышли из поселкового общества, ведут себя как старые жены. Более того, на позицию старой ревнивой жены претендуют даже коллаборационисты, доставшиеся от прошлого советского режима. Эти журналисты, министры, инженеры. Если старые жены буквально

ублажают своего хана, то эти коллаборационисты лицемерят как прислуга. Лицемерят и сидят – пишут о житее бытие, о коррупции, об экономике, о демократии даже пишут. Хорошо пишут. Но эта писанина тоже от страха. На самом деле не хотят, чтобы их забыли. Выгнали на улицу. Оттого все вокруг, кроме гарема реальных жен, если такие бывают вообще, пропитывается затхлостью одних и тех же, можно сказать восковых фигур. Все вокруг вопиет помойным застоем, когда люди приходят на помойку, бросают мусор в мусорные баки и так день за днем, день за днем. Старые жены бдят, как старые баки стоят.

Глава X

Реформы в России и в Китае

Почему реформы в России буксуют. В то же самое время в Китае, начиная с середины 80 -х годов приносят грандиозный успех. Перестройка Горбачева началась почти одновременно. Но что мы видим? Перечислять разницу надо?

Несет ли ответственность за такие удручающие результаты либерализм, свобода личности, приверженность демократическим принципам, которые евразийскому народу не подходят, но на которые все время равняется правящая элита СНГ? А может марксистские вериги еще остаются на ногах общества и обвинения националистов, что во всем виноваты русскоязычная, бывшая партократическая элита не так уж и не точны (в РК)?

(Если кто-то и понимал, как внуки правнуки русских революционеров превратятся в либералов, так это только один человек, – бывший вождь революции Троцкий. Он про это сальто переворот написал подробный труд «Преданная революция» («Что такое СССР и куда он идет» – старое название этого труда)). Нам же не понятно, как в Китае, где приверженность марксизму и даже сталинизму остаются неизблемыми понятиями, ничего подобного не произошло, пе-

перождение партии и элиты не произошло и не отразилось на китайских же реформах. Капиталистические реформы в Китае проходят с успехом. В КНР нет тесного слияния-симбиоза властных коррупционеров и бизнеса. Если какой чиновник уличается в коррупции, расправа будет скорая и публичная. Никакими деньгами не откупиться. Ведь казнят и миллиардеров. Если бы любой винтик в силовой и судебной системе сделал бы оборот не в ту сторону, в надежде получить вознаграждение от вора, его также бы ждала казнь. Все китайцы это знают. Зазоров для махинации нет. Коммунистическая партия контролирует не только систему, но и, самое главное, души всех китайцев, необязательно каждый винтик пугать откручиванием головки. Китайские товарищи сверху донизу напоминают восторженных фанатиков общего дела. Что это?

Ни о каких либеральных послаблениях речь не идет. Нет такого в Азии. Может быть оттого реформы в России буксуют, что ее элита не воспитана в азиатском духе абсолютизма? Вполне похоже. В России мало азиатов во власти. Но как же быть тогда с феноменом Сталина?

Россия – это такая же Азия, но Евразия.

Не совмещаются азиатские методы строгого контроля, полицейщины и декларации о правах человека? Может оттого и неуспех реформ? Этот вечный спор славянофилов и западников.

Может кадры не те?

Да, кадры не те. Но при чем тут воспитание?

Допустим, в связи с реформами и индустриализацией массы бывших темных крестьян вступили в коммунистическую партию, перебрались в города, получили хорошее образование, но они же не продают сегодня государство по кусочкам (необязательно территориальным), не занимаются коррупцией в невероятных масштабах, что само по себе говорило бы об их лицемерии и жадности. Неужели потенциальные коррупционеры сдерживаются только фактом неизбежной расправы? (Может потому в России сегодня ностальгируют по временам Сталина, что уверены, что только расстрелами и трудовым лагерями решается проблема воровства). Есть ли в китайском варианте поговорка типа «святое место пусто не бывает»? Скорее всего что-то подобное есть. Не может не быть, дабы стимулировать поступки. С другой стороны китайский великий скачок и культурная революция несколько повторила в урезанном виде советские репрессии и борьбу с врагами народа. Такие события возможны только в случае если массы сельского населения окажутся в городах и создают из своего потока поток народной (сельской, традиционной) категоричности. Куль личности и любое обожествление связаны с невежеством и потребностью ему служить. Однако китайские репрессии «удар по штабам» рядом со сталинскими смешны. Сталин и Мао на пару не с ворами боролись на самом деле, а с соперниками. Просто борьба любого вождя находит отголоски в массовом сердце на-

рода. И он использует свою власть для раскрутки этой любви – культа. Оказаться в этот момент у власти – самое главное. Только поэтому наши неудачники (Каменев и Зиновьев) бросились оспаривать первенство, рассчитывая, что дальше будет легче. Главное в традиционном мире – это власть взять. Дальше власть будет работать на вождя. (С другой стороны и убрать такого вождя труднее и потому только у глубоко традиционного крестьянского народа правители не уходят в отставку, а уходят по физически фатальным причинам, проще говоря умирают на посту)

Глава XI

Что есть в Азии и нет в Евразии

У буддистов нет воровства и халявы оттого и успехи реформ

«Можно сказать, что человек обретёт согласие с божествами и Буддой, если сердце его будет прямым и спокойным, если сам он будет честно и искренне уважать тех, кто выше его, и проявлять сострадание к тем, кто ниже его, если он будет считать существующее существующим, а несуществующее – несуществующим и принимать вещи такими, какие они есть. И тогда человек обретёт защиту и покровительство божеств, даже если он не совершает молитв. Но если он не прям и не искренен, небо покинет его, даже если он будет молиться каждый день».

Ходзё Нагаудз

Что Китай не пошел на либерализацию общественной и политической жизни, как это сделали руководители СССР, есть две причины. Первое: основатель коммунистического Китая и одноименного марксистского крестьянского движения – председатель Мао руководил КНР очень долго. Так долго, что если бы основатель СССР Ленин прожил бы равную по отрезку жизнь, то страна не увидела бы у руля ни

Сталина, ни Хрущева, – главных действующих лиц сталинизма и оттепели. А это значит, что не было бы никаких репрессии и культов личности, характерных для зерефного (крестьянского) стилия руководства. Не было бы ни московских процессов, ни травли всем идеологическим аппаратом СССР (с огромным бюджетом) второго после Ленина вождя революции Троцкого. Возможно даже, что и Второй Мировой войны бы не было, а была бы мировая революция с серией переворотов на подобии современных оранжевых майда-нов. И конечно бы не было демарша двух несчастных честолюбий Зиновьева Каменева, которые пали первыми жертвами сталинской борьбы за власть. А значит современных коррупционных режимов тоже могло бы не быть, если бы Ленин имел здоровье быка. Повального воровства и увода денег высшей элитой всевозможных республик тоже, возможно бы не было, оттого что «кухарка» ленина в лице армии, обученных и воспитанных зеремидов, была бы под контролем рефлексивной и не расстрелянной как вид интеллигенции.

И все таки, почему в Китае нет такой пословицы.

Святое место пусто не бывает. Не потому ли, что главной идеологической базой жителей Поднебесной является традиция? И ее самая главная основа конфуцианская мораль?

Что такое конфуцианство?

Это строгое следование патерналистской этике. В первую очередь подчинение государству, следом почитание отца

и родителей, и третье условие уважение старших. Да, очень похоже на правду. Для конфуцианцев, воспитанных в духе уважения старины, государство императора это что-то наподобие божества. Разве можно воровать у бога? Однако не все так радужно. Китай совершил стремительный радикальный скачок из аграрного общества в урбанизированное индустриальное. А это означает, что население смешалось. Следить за этическими нормами никто не может. Это значит, устоять перед материальными соблазнами выходцам их глубоких деревень и из бедноты очень трудно. Свидетельство тому – публичные казни коррупционеров. Их мало, коррупционеров, они не так эшелонированы, они не проникли как ржа во все органы власти и общества, но они есть. Скорее как исключения на фоне поднимающегося гигантского экономического монстра.

И еще, во время культурной революции и борьбы с ее последствиями кроме низвержения министра обороны Линь Бяо в 1974 году вышел такой плакат: «Критикуй Линь Бяо, критикуй Конфуция – это сейчас самое важное для Партии, армии и народа. Юные школьники и студенты хунвейбины или «охранники» Мао охраняли кормчего от всех руководителей партии и видных интеллигентов, преподавателей, которые были значительно старше своих палачей и насильников. То есть революция и эксперименты Мао по переделке сознания не прошли даром.

В чем же секрет, что китайские, корейские, сингапурские,

японские чиновники не воруют? Я перечисляю не только этнических ханьцев, китайцев Сингапура и Малайзии, а также корейцев и японцев – всех участников юго-восточного азиатского чуда.

Японский синтоизм проповедует не меньшую этику почитания императора и старших (почитание старших есть у всех народов сегодняшних христиан и мусульман разных течений). Но японский синтоизм отличается тем, что он очень близок либеральным нормам – здесь и сейчас. Жизнь коротка, а пожить надо – помогите мне ками (духи).

Наконец пришел момент назвать, почему вожди советов Зиновьев и Каменев сделали попытку взять не свое и тем самым спутали советский путь (дао). Не оттого, что они были плохо воспитанными нонконформистами, любой революционер – это ниспровергатель устоев, но не в случае со своим товарищем по партии Троцким. Они действовали по принципу возму, что плохо лежит и святое место пусто не бывает – очень народные (тоже традиция) советы. Но ведь все дело в том, что оба эти товарища вождя не были из разряда... просветленных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.